

Употребление этой ложки, естественно, не противоречило Небесам или нравственности, но поставило бы его в настолько затруднительное положение перед множеством пар глаз, что ни один нормальный человек на его месте не захотел бы открыть рот.

На самом деле, у Шэнь Цяо появилось смутное ощущение, что после встречи с Янь Уши в резиденции Хуан, у последнего, казалось, неуловимо изменилось отношение к нему. Если в прошлом этот человек вынашивал по отношению к нему чрезвычайно злые — даже убийственные — намерения, то, похоже, нынешнему Янь Уши было более по душе выставить его дураком в различных неловких ситуациях.

Однако причину таких перемен Шэнь Цяо понять не мог, следовательно, оставалось только предположить, что Янь Уши просто нашел новый способ развлечь себя.

— А-Цяо, я помню, что ты любишь рыбу. Эта рыба очень свежая и нежная, она должна прийти тебе по вкусу.

Словно подтверждая предположение Шэнь Цяо, на лице Янь Уши действительно появилась широкая, очаровательно-гадкая улыбка.

Долгое время они пристально смотрели друг на друга. Даже люди вокруг уловили необычное напряжение в воздухе.

Шэнь Цяо не спеша ответил:

— Большое спасибо за твою доброту, но у этого бедного даоса есть руки и ноги, поэтому он не позволит себе растратить добытое с таким трудом обещание, которое получил глава Янь.

— А-Цяо, неужели такой человек, как ты, кто всегда сдерживает обещания, нарушит свое слово из-за такой небольшой просьбы? — Янь Уши изогнул бровь.

Шэнь Цяо нашелся с ответом:

— Все потому, что глава Янь первым не сдержал свое слово.

— Когда я врал тебе?

— Память главы Янь поистине ужасна. В прошлом ты очень четко заявил, что ищешь себе противника, а не друга. Как получилось, что в мгновение ока этот бедный даос стал твоим хорошим и близким другом?

— Это не значит, что я отказываюсь от своих слов, просто время не стоит на месте. В прошлом я действительно так думал, но образ мыслей людей всегда изменчив. Допустим, что когда

А-Цяо было три года, всякий раз, видя сахарную фигурку, он не мог заставить себя оторваться от нее. Неужели нынешний А-Цяо будет так же очарован сахарной фигуркой, что не сможет пошевелиться при ее виде? – сказал Янь Уши с улыбкой.

— Я знаю только, что есть человек, который действительно не смог заставить себя пошевелиться при виде сахарной фигурки! – Шэнь Цяо слегка фыркнул.

Именно это и произошло во времена «Се Лина».

Янь Уши придал лицу удивленный вид и намеренно неверно истолковал эти слова:

— В самом деле, существует человек столь преданный в своей любви? Тогда разве не был бы он идеален для хорошей и близкой дружбы?

Как может этот человек быть таким бесстыдным? Перевернув все с ног на голову, он всегда найдет способ оправдать себя и свои поступки!

Шэнь Цяо понимал, что в словесном поединке ему не одержать верх. Когда он заметил, что все вокруг смотрят на них двоих, его лицо слегка покраснело. Он вдруг почувствовал, что все это было крайне по-детски, и быстро зашептал:

— Глава Янь, мы на публике, следи за своим поведением! Если у тебя есть какие-либо разногласия, мы можем обсудить их, когда вернемся!

— Я всего лишь предлагаю тебе ложку рыбы, что не так с моим поведением? – Янь Уши улыбнулся.

Сказав это, он продолжил подносить ложку супа к лицу Шэнь Цяо. Шэнь Цяо отодвинулся назад и протянул руку, чтобы оттолкнуть ее. Однако движения Янь Уши были очень ловкими. Он взмахнул запястьем, и ложка внезапно появилась в другой его руке, которую он также протянул Шэнь Цяо. Было очевидно, что он был полон решимости добиться своего.

Фигуры двух людей, казалось, оставались неподвижными, но их рукава развевались в воздухе. В одно мгновение они уже обменялись многочисленными ударами. Зрители были ошеломлены этим зрелищем, их глаза расширились, а рты разинулись.

Многие из них все еще не понимали, что происходит. Чжао Чиин не решалась вмешаться, чтобы остановить их. В конце концов, ученики секты Бишан восприняли это как редкую возможность для обучения, поэтому уделяли пристальное внимание движениям этих двоих, сильно опасаясь, что они что-то упустят, если хотя бы на мгновение ослабят бдительность.

Когда эти двое только начали ссориться, Ши У хотел встать, чтобы убедить их остановиться, но Юйвэнь Сун удержал его.

— Брат, присмотрись внимательнее. Учитель и глава Янь просто обмениваются опытом, а не сражаются по-настоящему. В противном случае, они бы уже давно перевернули это место с ног на голову, а не сидели на своих местах, словно горы.

— Совсем недавно все было в порядке, почему они вдруг начали ссориться? – беспокойно спросил Ши У.

Юйвэнь Сун пристально посмотрел на движения этих двоих и ответил безразличным тоном:

— Возможно, учитель сделал что-то, что не понравилось главе Янь, поэтому тот намеренно начал докучать ему?

— Но что главе Янь могло не понравиться в учителе? – Ши У был поражен.

Юйвэнь Сун был умен не по годам, но какие-то моменты понимал лишь частично и не всегда мог объяснить, как и почему они происходят. Он мог только покачать головой в ответ на слова Ши У.

— Кажется, он почувствовал, что учитель оставил его без внимания, поэтому стал недоволен.

Ши У внезапно осенило. Он тщательно обдумал эти слова, но все еще чувствовал, будто что-то в них было не так.

Два человека дрались врукопашную, каждый удар, которым они обменивались, представлял собой чрезвычайно восхитительное и захватывающее зрелище. Толпа не могла оторвать глаз, наблюдая за происходящим так пристально, что даже забыла, из-за чего вообще началась драка. Янь Уши держал ложку супа одной рукой и использовал только запястье и предплечье в обмене ударами. Он воспользовался небольшой заминкой, чтобы схватить свободной рукой очищенный арахис со стола и неожиданно запустил его в сторону Ши У.

Увидев это, Шэнь Цяо инстинктивно захотел помочь защитить Ши У. Рукава его мантии были широкими и свободными, одним взмахом руки он смог отбить эту атаку. Это было восхитительное движение, выполненное с безмятежностью и легкостью, присущей людям из даосских сект, которое невольно заставило зрителей расслабиться как душой, так и телом. Не говоря уже об учениках секты Бишан, даже лица Чжао Чиин и Юэ Куньчи были полны восхищения.

Однако в это мгновение Янь Уши уже обхватил рукой талию партнера, а затем прижал ложку к его губам. Рука на талии двинулась по пояснице в направлении акупунктурной точки Шэнь Цяо, и тот подсознательно наклонился, чтобы избежать ее. Именно в этот момент он ослабил бдительность, и таким образом ложка рыбы скользнула ему в рот.

Все действие произошло на одном дыхании. Янь Уши, добившись своего, сразу же отпрянул,

чтобы не дать Шэнь Цяо возможность нанести удар.

— Даочжан Шэнь, это действительно неискренне — говорить то, чего не имеешь в виду. Раз ты так хотел есть, можно было просто уступить мне разок, а не вынуждать меня прилагать столько усилий. Не лучше было бы открыть рот раньше?

Это просто...!

Шэнь Цяо с большим трудом проглотил рыбу. Он разрывался между желанием либо покинуть банкет в порыве ярости, либо немедленно избить человека перед ним.

Первый вариант был бы невежливым по отношению к хозяйке банкета, а второй заставил бы всех подумывать, что он поднимает большой шум из-за несущественного вопроса.

«Но все это просто... Бесстыдно! Если я должен вытерпеть подобное, то что же тогда нетерпимо?!

Может ли быть так, что я, Шэнь Цяо, выгляжу как человек, которым можно легко помыкать? Как человек, с которым можно играть, словно с игрушкой в твоих руках?»

Лицо Шэнь Цяо потемнело от гнева. На этот раз он был по-настоящему взбешен.

Но он не мог позволить себе вспылить, так как это поставило бы Чжао Чиин в затруднительное положение. Поэтому он только кивнул и холодно сказал:

— Глава Янь обладает превосходными навыками, я действительно не могу с тобой сравниться. Спасибо за этот урок.

Затем он поднял чарку в знак уважения Чжао Чиин.

— Большое спасибо главе Чжао за заботу о Ши У, пока меня не было. Я плохо переношу алкоголь, поэтому выпью в знак почтения главы Чжао чарку чая, а не вина.

Чжао Чиин бросила взгляд на Янь Уши. Последний все еще улыбался, но его улыбка не выражала ни радости, ни гнева; его эмоции было слишком трудно уловить.

— Даочжан Шэнь, не нужно церемониться, - искренне ответила она. - Ты оказал большую услугу секте Бишан. Мы находимся во взаимно дружественных отношениях, так что этот пустяк действительно не стоит воспринимать всерьез. Не говоря уже об одном Ши У, даже если бы их было еще десять, секта Бишан все равно смогла бы позаботиться о них. Говоря об аппетитах, Ши У ест еще меньше, чем Есюэ!

— Как вы можете нас сравнивать? Сестрица Чжоу старше меня! - Ши У покрылся румянцем.

Когда остальные увидели его таким, они не смогли удержаться от смеха. Напряженная обстановка после предыдущей суматохи исчезла, развеявшись как облако.

После завершения банкета Шэнь Цяо попрощался с Чжао Чиин и другими, а Ши У и Юйвэнь Суна проводил до домов, чтобы те отдохнули.

Устроив их, Шэнь Цяо собирался вернуться к себе, однако увидел, что перед его дверью стоит человек.

При ярком свете луны и фонарях, висевших под карнизом, черты лица человека были четко освещены.

Гнев Шэнь Цяо еще не утих; он абсолютно не хотел разговаривать с ним. В глубине души он подумал: «Даже если я не могу позволить себе оскорбить его, я могу, по крайней мере, избегать его». Поэтому он немедленно повернулся кругом, чтобы уйти.

Однако кое-кто был быстрее его. Шэнь Цяо едва успел сделать шаг, как его крепко схватили за руку.

Шэнь Цяо отдернул руку и замер, его лицо ничего не выражало.

— Глава Янь, пожалуйста, следи за своим поведением.

— Ты злишься? - спросил Янь Уши с улыбкой.

Шэнь Цяо не ответил.

— Я просто дразнил тебя ради забавы, у меня не было никаких злых намерений. Если ты злишься, я заглажу свою вину.

Шэнь Цяо сказал приглушенным голосом:

— Я действительно не могу позволить себе принять извинения главы Янь. Сначала ты сказал, что тебе не нужны друзья, что этот бедный даос не годится тебе в друзья. Я принял это. Позже я спас тебя только из-за твоей тесной связи с Юйвэнь Юном, потому что мир в династии Чжоу обеспечил бы мир и во всех северных землях. Поэтому я решил, что мне не стоит заботиться о своих личных интересах, и уж тем более требовать от тебя благодарности в ответ. Теперь, когда ты здоров, цел и невредим, каждый из нас может пойти своим путем. Как глава секты Хуаньюэ, глава Янь имеет свой освещенный солнцем путь, а этот бедный даос пойдет по своему бревенчатому мостику. У этого бедного даоса в рукавах только свежий ветер, ничего нет за

душой. Я не понимаю, чем заслужил такую благосклонность главы Янь, что ты снова и снова усложняешь мне жизнь? Я прошу главу Янь без колебаний просветить этого бедного даоса, чтобы он мог исправиться!

Он находился под сильным влиянием Ци Фэнгэ. В дополнение к этому, он был милостив и великодушен по натуре, относился к людям с великодушием и терпимостью и всегда обходился с ними только с предельной добротой и хорошими намерениями. Даже когда дело касалось тех, кто испытывал глубочайшую ненависть, как Юй Ай, который причинил ему много вреда, после того, как Шэнь Цяо преодолел свою печаль и гнев, он не скрежетал зубами днем и ночью, желая ему зла и несчастий.

Янь Уши был единственным исключением. С тех пор, как он упал со скалы, их судьбы тесно переплелись. Между ними скопилось столько доброты и ненависти, что невозможно было сказать, кто кому задолжал больше. Однако однажды укушенный змеей десять лет боится колодезной веревки, Шэнь Цяо действительно хотел избегать его, убрать с глаз долой и с сердца вон. Однако неожиданно это обернулось против него, и он до сих пор он не мог понять — почему? В этом мире были миллионы людей, которые были более выдающимися и более красивыми, чем Шэнь Цяо, и которые находились в еще более жалком и трагически тяжелом положении, чем он. Так почему Янь Уши ухватился именно за него, отказываясь отпустить?

Все эти глубоко укоренившиеся неприятные переживания накапливались в течение длительного времени, внезапно нахлынув на его сердце чувствами, похожими на обиду и печаль, которые было слишком тяжело выразить словами.

Шэнь Цяо просто-напросто чувствовал себя измученным физически и эмоционально.

Это обиженное и печальное выражение выглядело невероятно милым в глазах Янь Уши. Даже привычно восторженный изгиб его губ бессознательно перенял нежность лунного света.

Только эта нежность была настолько неощутимой, что Шэнь Цяо, естественно, не мог ее заметить.

— Как этот почтенный усложнил тебе жизнь? Если бы я действительно хотел усложнить тебе жизнь, то применил бы гораздо более безжалостные и жестокие методы. К чему мне отпускать такие безобидные шутки?

— Как такое можно назвать безобидным? - Шэнь Цяо был в ярости. - Прямо у всех на глазах, ты... в самом деле...

Ярость нарастала в сердце, делая его речь неуклюжей, и слова никак не шли с языка.

Янь Уши прыснул со смеху.

— Ну же, разве я не могу искупить вину? Не сердись больше. Что, если этот достопочтенный самолично приготовит для тебя миску супа в качестве извинений?

Шэнь Цяо отвернулся.

— Не нужно!

Янь Уши потащил его за собой.

— Даже если то, что я сказал ранее, ранило твое сердце, с этим уже ничего не поделаешь. Сказанные слова подобны пролитой воде — нет способа вернуть их обратно. Этот почтенный не может вести себя как ребенок и проводить дни, терзаясь запоздалыми сожалениями. Ты просветленный даосский мастер, неужели ты будешь уподобляться тем посредственным людям, что вечно помнят и беспрестанно цепляются за стародавние дела? Все говорят, что даочжан Шэнь великодушен и терпим, и не заикливается на ошибках и обидах прошлого. Как же получается, что именно к этому достопочтенному ты относишься по-особенному? Не та ли эта судьба, о которой слагают легенды?

— Разве что обреченная судьба*! - Шэнь Цяо рассмеялся в гнев.

*Если Янь Уши под судьбой имеет в виду предназначенных друг для друга людей, то Шэнь Цяо использует выражение, которое используют для описания злой судьбы людей, которым суждено встретиться, но не суждено быть вместе из-за трагичного конца их истории.

— Будь то обреченная судьба или гармоничный союз — это судьба в любом случае, - Янь Уши не принял его слова всерьез. - Вы, даосы, постоянно говорите о следовании своей судьбе. Как же так вышло, что ты противишься естественному ходу развития событий?

— По-моему, тебя не следует звать Янь Уши.

— Тогда как меня следует звать?

— Называй себя Цзун Юли*. Несмотря ни на что, ты всегда можешь оправдать что угодно! - Шэнь Цяо усмехнулся.

*(宗理; zōng yǒu lǐ) - «всегда найдется причина».

Янь Уши громко рассмеялся.

Шэнь Цяо силой затащили на кухню. Повар пользовался кухней днем, и там еще осталось немного свежих продуктов.

— Подожди четверть часа.

— Я не голоден, - Шэнь Цяо слегка нахмурился.

Янь Уши ответил, не повернув головы:

— Верно. Только что ты был так зол, что уже наелся этим по горло.

Шэнь Цяо поперхнулся.

Движения Янь Уши были действительно очень быстрыми. Он использовал внутреннюю силу, чтобы разжечь огонь и раздуть пламя, тем самым добившись лучшего результата, несмотря на то, что приложил лишь половину усилий. Вода быстро закипела. Рыба и паста из сырых яиц были хорошо перемешаны и замешаны в шарики, затем помещены в воду для приготовления и под конец посыпаны небольшим количеством зеленого лука и соли. Две миски обжигающе горячего супа с рыбными шариками были готовы к подаче.

Мастерам боевых искусств тоже нужно было есть и спать. Каким бы благородным ни был статус Янь Уши, во время путешествий не всегда была возможность взять с собой слуг. Таким образом, ему было необходимо уметь готовить себе еду самостоятельно. Ранее, когда они были в бегах, Шэнь Цяо уже был свидетелем его кулинарных способностей, поэтому в этот раз не был особенно удивлен.

Шэнь Цяо зачерпнул рыбный шарик и положил его в рот, и обнаружил, что он действительно был довольно вкусным. Хотя его гнев еще не полностью утих, он не мог с чистой совестью сказать, что это было невкусно, поэтому просто опустил голову и продолжил есть молча.

Внезапно другой человек протянул ему свою ложку.

— Что ты делаешь?

— Разве я не должен загладить свою вину перед тобой?

— Тогда зачем давать мне ложку? - Шэнь Цяо был в замешательстве.

Янь Уши улыбнулся:

— Только что ты расстроился из-за того что я накормил тебя. Так что теперь я позволю тебе накормить меня. У каждого из нас своя очередь. Разве это не справедливо?

Прямо сейчас он действительно хотел вылить миску супа с рыбными шариками на голову этого

человека.

Хотя жизнь в секте Бишан была комфортной и спокойной, время здесь все равно летело быстро.

С Чжао Чиин и другими в качестве свидетелей Шэнь Цяо позволил Юйвэнь Суну официально пройти церемонию поклонения учителю. Обучая своих учеников, он все еще продолжал свои собственные тренировки по боевым искусствам. Шли дни, и его внутренняя сила постепенно приближалась к тому уровню, на котором была в прошлом. Казалось, даже появились слабые признаки надвигающегося прорыва.

Хотя Чжао Чиин все еще беспокоилась о том, что секта Бишан переживает период разрыва между зеленым и желтым*, она также осознавала, что в данный момент важнее обучать таких учеников, как Чжоу Есюэ, Фань Юаньбай и остальных, чтобы не сломать уже существующие саженцы деревьев на случай, если они не найдут свой прекрасный нефрит.

*(青青; qīng huáng bù jiē) – лит. «молодые посевы еще не созрели, но старые зерна уже съедены» – метафора отсутствия/разъединения в последовательности.

В присутствии таких двух мастеров, как Шэнь Цяо и Янь Уши, ее ожидания по отношению к своим ученикам неизбежно стали выше, а требования более строгими. Все могли лишь горько плакать и молить Юэ Куньчи о помощи. Мягкосердечный Юэ Куньчи оказался в затруднительном положении между шимэй и своими учениками. Каждый день он оказывался в тревожной и изматывающей ситуации в постоянном состоянии суматохи и хаоса.

Янь Уши, похоже, пустил корни в секте Бишан. Об уходе он не упоминал и единого слова, а секта Бишан не могла проявить инициативу, чтобы прогнать его. Более того, Янь Уши наставлял их в боевых искусствах, и даже если эти наставления сопровождалось насмешливым сарказмом и издевками, которые резали острее ножа, секта Бишан вынуждена была терпеть эту боль с улыбками на лицах.

В горах не видно солнца и луны, но области за пределами гор претерпели многочисленные изменения.

После того, как Юйвэнь Юнь взял бразды правления в свои руки, он даровал наставнику Сюэтину титул наставника императора, что свидетельствовало о его большой поддержке буддизма. Под предлогом получения благословения от имени своей матери он масштабно отремонтировал буддийские храмы. Влияние и власть буддизма, сошедшее на нет во время правления Юйвэнь Юна, вновь выходило из тени.

С другой стороны, Юйвэнь Юнь также сильно поддерживал секту Хэхуань. Он подражал фаворитизму и доверию предыдущего императора к секте Хуаньюэ и позволил силам секты

Хэуань проникнуть во двор и следить за чиновниками. Он также разрешил как секте Хэуань, так и буддийским сектам в личных интересах собрать силы со всего цзянху.

В таких обстоятельствах буддисты и секта Хэуань воспользовались возможностью расширить свое влияние, начав с Чанъаня и распространившись на север. Под их принуждением и силой многие секты боевых искусств, которые были либо малыми, либо средними по размеру, либо нашли убежище в буддийских сектах, либо были ассимилированы в секту Хэуань.

Храм Линьинь, Дом Дуюань и другие буддийские секты, которые не были широко известны в цзянху, были тихо захвачены императорским двором, словно вором в ночи, тем самым оказавшись под прямой юрисдикцией наставника императора.

Такие небольшие секты боевых искусств, как Пристань Таохуа и Зал Пиншань, были уничтожены сектой Хэуань одна за другой.

Даже более престижные и известные секты, как секта Чжуннань, разделились и распались после смерти своих глав, и в конечном счете вынуждены были подчиниться секте Хэуань.

Как будто в одночасье буддийские секты и секта Хэуань с разрушительной силой расширили свое влияние и могущество, превратившись в колоссальных монстров.

Всего спустя полгода все предположения, которые Янь Уши выдвигал в прошлом, стали реальностью.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287391>